

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 2, pp. 248–258, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-248-258

Внутрисемейные взаимоотношения у башкир во второй половине XIX – начале XX в.

*Рима Нугамановна Сулейманова*¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, проспект Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий
 0000-0003-1877-5421. E-mail: rnsulejman@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Сулейманова Р. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются внутрисемейные взаимоотношения в башкирском обществе во второй половине XIX – начале XX в. *Цель исследования.* Статья направлена на установление особенностей и новых явлений во внутрисемейных взаимоотношениях у башкир во второй половине XIX – начале XX в. *Материалы и методы.* Основными источниками являются документальные материалы, выявленные в архивах, и опубликованные издания. Анализ источникового материала, оценки событий и явлений производились с учетом принципов историзма, объективности и научности. Исследование проводилось с применением таких методов, как сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, логический и пр. *Результаты.* На основе уникальных источников, таких как архивные документы, опубликованные источники, работы известных российских ученых, общественных деятелей и краеведов, рассматриваются семейный быт у башкир в данный период и под влиянием поворотных событий в общественной жизни России происходившие в нем новые явления. Они внесли перемены в эту сферу и оказали серьезное влияние на внутрисемейные взаимоотношения, положение членов семьи. Особенно это коснулось статуса женщины, на что также обращалось внимание в изданных научных и краеведческих работах. Происходили перемены в самой женщине, ее самосознании и поведении, кардинально отличавшиеся от устоявшихся норм. Это проявилось в участившихся случаях обращения женщин в Оренбургское магометанское духовное собрание за разрешением на новое замужество, с просьбами на развод, с жалобами на мужей, а также в возникновении женских обществ, ставших первым опытом их самоорганизации за пределами дома и вступления в общественную жизнь. Однако в семье, где главенствовал мужчина, продолжало сохраняться приниженное и зависимое положение других членов. Все это указывает на прочность традиционных внутрисемейных взаимоотношений. *Заключение.* В рассматриваемый период внутрисемейные взаимоотношения у башкир сохраняли свою неизменность. Однако под влиянием происходивших в начале XX в. событий в общественной жизни России положение семьи и ее членов заметно осложнилось и

стало нестабильным. Претерпевало серьезные перемены положение женщины в семье. Оно становилось иным, как и само традиционное башкирское общество.

Ключевые слова: башкиры, семья, взаимоотношения, мужчина, женщина, члены семьи, семейное положение, традиции, новые явления, вторая половина XIX – начало XX в.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Сулейманова Р. Н. Внутрисемейные взаимоотношения у башкир во второй половине XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 248–258. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-248-258

Bashkir Intra-Family Relations: Mid-19th – Early 20th Centuries

Rima N. Suleimanova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate, Head of Department

 0000-0003-1877-5421. E-mail: msulejman@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Suleimanova R. N., 2021

Abstract. *Introduction.* The article examines intra-family relations in Bashkir society in the mid-19th to early 20th centuries. *Goals.* The work aims at outlining the characteristics and new phenomena in Bashkir intra-family relations during the period under consideration. *Materials and Methods.* The main sources are archival documentary materials and published sources. The analysis of the source material, the assessment of events and phenomena were implemented through the principles of historicism, objectivity and scientific nature. The study employs such methods as comparative historical, problem-chronological, retrospective, logical ones, etc. *Results.* On the basis of unique sources, such as archival documents, published sources, works by famous Russian scientists, public figures and local historians, the paper provides insight into the family life of Bashkirs in this period — with due account of turning events in Russia's social life and its actual phenomena. The latter initiated certain changes in this sphere and had a serious impact on intra-family relations, positions of family members. That especially affected the status of women which has also been highlighted in published scientific and local history works. Changes took place in the woman herself, in her self-awareness and behavior, radically different from the established norms. This is evidenced by the increased number of cases when women turned to the Orenburg Mohammedan Spiritual Association with requests for divorce, permission for a new marriage, with complaints against their husbands, as well as by the emergence of women's societies which became first experience of their self-organization outside homes and that of social life. However, family was still dominated by man, and other members remained as humiliated and dependent. All this attests to the strength of traditional intra-family relations. *Conclusions.* During the period under review, Bashkir intra-family relations remained virtually unchanged. Nonetheless, the events that took place in the early 20th century in Russia's social life resulted in that positions of family and its members became noticeably complicated and unstable. The position of woman in family was undergoing serious changes as well: it became different, like the traditional Bashkir society itself.

Keywords: Bashkirs, family, relations, man, woman, family members, family position, traditions, new phenomena, mid-19th to early 20th centuries

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. АААА-А17-117040350082-3).

For citation: Suleimanova R. N. Bashkir Intra-Family Relations: Mid-19th – Early 20th Centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (2): 248–258. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-248-258

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. башкирское общество переживало переломный период в своей истории. Сокращение земельных угодий, обусловившее кризис полукочевое скотоводства, привело к болезненному переходу к земледелию и оседлости, и постепенно в прошлое уходили традиционные хозяйственные занятия. Все это вело к значительному обнищанию башкирского населения [Асфандияров 1997: 11; Роднов 2002: 276]. Этот период с происходившими серьезными общественно-политическими и социально-экономическими событиями стал поворотным и в развитии башкирской семьи.

Несмотря на сохранение в семейном быту у башкир традиционных черт, все явственнее становились новые проявления, в частности, доминирование нуклеарной (малой) семьи, относительная малодетность, изменения внутрисемейного устройства, места и роли членов семьи, прежде всего женщины. Зачастую это было связано с такими объективными причинами, как длительное отсутствие мужчины, который уезжал на заработки, мобилизации на фронт, смерть и т. д., что делало ее главой семьи и вело к перераспределению функций между другими членами [Роднов 2002: 199].

Вопросы семейного быта у башкир привлекали внимание исследователей еще с XVIII в., что сохранилось и в последующем. В опубликованных работах освещались вопросы общественной и хозяйственной жизни народа. В то же время они стали важными источниками для понимания и представления особенностей внутрисемейных взаимоотношений, положения членов семьи, особенно башкирки в том виде и статусе, в котором она была и в каком обществе хотело ее видеть, и какой она стала в начале XX в.

Потому именно к этому вопросу исследователи чаще всего обращались, хотя мнения высказывали разные. Одни заявляли о ведущей роли башкирок в ведении домашних работ и участии наравне с мужчинами в хозяйственной жизни [Небольсин 1850; Черемшанский 1859].

Многие исследователи соглашались с ними [Казанцев 1866; Флоринский 1874; Назаров 1890; Бергхольц 1893; Никольский 1899]. Имелись суждения относительно башкир, не принимавших никакого участия в домашних делах [Юдин 1890: 4; Рыбаков 1897: 20]. В то же время отмечалась их занятость в скотоводстве, земледелии, рыболовстве, отхожих, кустарных промыслах и строительных работах [Назаров 1890: 190; Никольский 1899: 51].

Таким образом, с одной стороны, исследователями демонстрировалась ведущая роль башкирки в ведении домашних работ, участие наравне мужчиной в хозяйственной жизни, что позволяло делать вывод о ее «довольно сносном положении в семье». С другой стороны, приведенные ими факты указывали на неравноправное положение башкирки в семье, а также в обществе. В последующем эти мнения особых перемен не претерпели. Во многих работах вновь говорилось о ее несправедливости в семье и обществе при большой загруженности в хозяйстве [Лоссиевский 1903; Крашенинников 1907].

В последующий период эти суждения были озвучены в ряде работ [Кийков 1927; Стина 1928]. Лишь в монографии С. И. Руденко о башкирах, вторая часть которой была посвящена быту, ученый не разделил официально установившуюся в советской литературе точку зрения о тяжелом положении и полном несправедливости башкирки [Руденко 1925: 257].

Однако изменения в семейном быту у башкир, в статусе женщины, других членов семьи, происходившие в начале XX в., не рассматривались в его труде.

Вопросы семьи и брака в башкирском обществе затрагивались в ряде работ [Бикбулатов 1981; Бикбулатов, Фатыхова 1991; Асфандияров 1997]. Но в них также не получили освещения происходившие в семейном быту башкир перемены на рубеже XIX – начале XX в. Это показывает, что проблема развития семьи у башкир в рассматриваемый период, новые явления во внутрисемейных взаимоотношениях еще не были предметом специального изучения.

Материалы и методы

Источниковая база данной проблемы отличается разнообразием, это архивные материалы и опубликованные источники. В Национальном архиве Республики Башкортостан в фонде Оренбургского магометанского духовного собрания были выявлены такие документальные материалы, как прошения, жалобы и решения, касавшиеся семейной жизни башкир (бракосочетаний, разводов, жестокого обращения мужей и др.) [НА РБ. Ф. И-295].

Немало источников для раскрытия данной темы было почерпнуто в опубликованных документальных изданиях [Михайлова 1913; Революция 1930; Женское движение 2008]. Были привлечены такие источники, как уставы самодеятельных обществ, что является подтверждением происходивших перемен в начале XX в. среди женского населения [Устав 1913].

Безусловно, вышедшие в рассматриваемый период работы российских исследователей, краеведов и ученых, в которых получили описание многие стороны семейного быта башкир, в том числе по интересующей нас теме, следует рассматривать и как исторический источник.

Развитие семьи у башкир: традиции и новые явления

Во второй половине XIX – начале XX в. происходившие в России общественно-политические и социально-экономические события оказали серьезное влияние на развитие института семьи у башкир. В то же время в ней сохранялись традиционные внутрисемейные отношения, место и роль каждого из ее членов, распределение между ними функций и обязанностей.

Положение мужчины, женщины, детей и других родственников в семье обуславливалось традиционными установками и шариатом. По мнению исследователей, в частности В. Зефирова, отметившего в газете «Оренбургские губернские ведомости в 1851 г. (републикация статьи в книге «Башкирия в русской литературе», 1961 г.), что семейный быт у башкир в этот период оставался «неприкосновенным ни малейшему изменению» [Зефиров 1961: 274].

Подтверждая это, спустя полвека, в 1903 г. М. В. Лоссиевский написал, что целиком и полностью семейный быт регулируется и направляется правилами и закона-

ми шариата, потому башкирское общество отличается «поразительной замкнутостью и неподвижностью в своих воззрениях и быте» [Лоссиевский 1903: 11, 12].

По наблюдениям исследователей, состояние семейной жизни, сложившееся у башкир, характеризовалось, как «тихое и мирное» [Никольский 1899: 144]. Многие из них в числе причин называли отсутствие пьянства в их среде, устоявшиеся традиции почтительного отношения к женщине, недостаточное распространение многоженства [Никольский 1899: 141].

Относительно последнего исследователи соглашались, что это «зло» среди них не получило широкого распространения. В. М. Черемшанский указывал, что башкиры имеют «достаточные по две и по три жены, а бедные — по одной». Правда, по его мнению, многие «из благоразумных башкирцев» не увлекаются многоженством, видя в нем основную причину семейных несогласий, и потому «довольствуются» одной женой [Черемшанский 1859: 160]. К такому же выводу приходил Л. фон Берггольц на примере башкир-катайцев: «почти все имеют только по одной жене и исключения допускаются только более богатыми» [Берггольц 1893: 80].

В семейной иерархии у башкир, как отмечалось исследователями, мужчине традиционно отводилось главенствующее положение и та роль, которую он играл в хозяйственной и общественной жизни. Они указывали на незыблемость у них принципа безграничной власти мужа над женою. Несмотря на разделение мужчинами труда женщин при выполнении ряда сельскохозяйственных занятий, таких как сенокос, жатва, молотьба, основная нагрузка при выполнении хозяйственных дел ложилась на последних. Тому подтверждением являются наблюдения В. Зефирова о взаимоотношениях мужа с женами, за их поведением в семейном кругу [Зефиров 1961: 277, 278]. Л. фон Берггольц на примере башкир-катайцев также заявлял, что муж является главой, властелином [Берггольц 1893: 80].

Закрепившееся за мужчиной положение «хозяина», «господина» особенно проявлялось при решении судьбы детей. На «произвол родителей, особенно отца», «неограниченную власть родителей, прежде всего, отца» указывали исследователи [Казанцев

1866: 40; Юлуев 1892: 216]. Хотя нужно заметить, что относительно «безраздельной власти» отца в семье некоторые исследователи придерживались иного мнения. Они считали, что особенно при описании брачно-свадебных обычаев у башкир было допущено определенное преувеличение, которого не должно быть, так как само общество, идеология, интересы разных слоев и сословий являлись неоднородными, это же характеризовало и семью [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 13, 18].

В главенствующем положении мужчины заключалась причина противоречивого отношения к женщине, членам семьи, на что влияли традиционные установки, которые он обязан был придерживаться: мужчине не подобало участвовать в домашних занятиях, оказывать жене помощь, сидеть рядом в телеге и т. д., во избежание общественного осуждения и порицания. Выйти из-под влияния этих устоявшихся порядков и запретов или обойти их он не мог. Это созвучно случаю, который описал С. Г. Рыбаков: за непослушание жены башкир Магафур ее наказал, хотя и ощущал свою неправоту, но признаваться в этом не хотел [Рыбаков 1897: 35, 36].

В других работах башкир-«властелин» характеризовался следующим образом: «или спит, или балакает вздор с соседями», считает для себя унижением принести воды или охапку дров, или не садится с женой рядом в телегу, где она сидит одна и правит [Юлуев 1892: 221; Крашенинников 1907: 11].

Исследователями всегда обращалось внимание на интересный факт при описании свадебных традиций — в них принимали участие только мужчины, так как присутствие женщин не полагалось [Зеленин 1908: 84].

Подобных примеров «особого» статуса мужчины у башкир в семейном быту, в других сферах жизнедеятельности в рассматриваемый период можно привести немало. В то же время семья у башкир, построенная на патриархальной основе, заключавшейся в главенстве мужа, подчинении ему жены, имела утвердившиеся в ней взаимоотношения между членами, и они не были столь жесткими, в отличие от других народов. Исследователи связывали это с неодобрением мужчин дикого и необузданного проявления этой власти [Рыбаков 1897: 20].

С. И. Руденко указывал, что чем богаче башкир, тем больше у него «барства», в отличие от бедного, который его «проявляет у себя дома и служит ему его жена» [Руденко 1925: 258].

Положение других членов семьи — родителей, детей и иных родственников — в рассматриваемый период сохраняло свою традиционную неизменность. К родителям у башкир отношение было особым. По мнению Н. В. Бикбулатова, почитание старших, предпочтительные права старших перед младшими и взрослых — перед детьми в той или иной мере были характерны для всех обществ. Однако у тюркских народов, в том числе у башкир, старшинство было доведено, по существу, до уровня культа. Оно распространялось не только на родителей и прямых предков, а на все восходящие ступени родства [Бикбулатов 1981: 88].

Как отмечалось исследователями, родители принимали участие в обсуждении всех наиболее важных семейных вопросов. Главой семьи являлся отец, даже если он был стар и не работал в хозяйстве. Он распоряжался имуществом и был ее юридическим представителем, потому как в семье был полноправным «господином», что закреплялось религией [Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962: 250, 251].

Относительно положения пожилой женщины у башкир мнения исследователей совпадали. Д. П. Никольский писал, что они пользуются уважением в обществе, им оказывается всякий почет, в семье с ними совещаются, и голос их имеет иногда даже решающее значение. Автор отмечал уважительное отношение к ней детей, какого бы возраста они сами не были [Никольский 1899: 140]. С. И. Руденко также подтверждал, что среди других членов семьи авторитет пожилых женщин был высоким [Руденко 1925: 244].

Дети в семье были на особом положении. О них заботились и оберегали, с рождения они находились под опекой матери. Д. П. Никольский писал, что у башкир к детям отношение «мягкое и любовное», обращение с ними «очень кроткое» [Никольский 1899: 99, 143]. Воспитание и обучение ребенка были на ответственности матери, отец в это дело не вмешивался, как замечали исследователи [Небольсин 1850: 4, 5; Назаров 1890: 191].

Положение мальчиков и девочек в семье различалось. У девочки оно было нелегким, вынуждали рано начинать оказывать помощь матери по уходу за младшими детьми и в хозяйстве, часто выполнять непосильную для возраста и здоровья работу. При этом нужно заметить, что отношение к ней было неоднозначным. По мнению исследователей, с одной стороны, рождение девочки в семье не приветствовалось, с другой стороны, она считалась весьма доходной статьей, так как при выходе замуж за нее отец получал откуп (калым). Подобное отношение не касалось мальчиков, что указывало на их лучшее положение в семье [Стина 1928: 12].

По этому поводу Д. П. Никольский писал: «Дети-мальчики всегда почти являются баловнями своих отцов, насколько это можно допустить, но в то же время им строго не позволяют того, что запрещено». Касательно их воспитания исследователь замечал, что оно было «несложным делом: до 3-х или 5 лет дети находятся под опекой матери, и отец в его воспитание не вмешивается. Мальчики с 4–5 лет уже находятся около отца, с 8 лет они уже являются помощниками. Девочки являются помощницами матери» [Никольский 1899: 99, 124, 125].

При этом нужно заметить, что воспитание детей зависело, прежде всего, от социального положения родителей [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 115].

В составе семьи у башкир после развода с мужем находилась обычно дочь. Положение ее было намного легче, чем снохи (килен). К ней с почтением относились родные братья и сестры, а жена ее младшего брата должна была ей подчиняться. При возникновении конфликтов родители и братья, как обычно, принимали сторону разведенной. У зауральских башкир положение зятя было несколько иным при учете наличия или отсутствия у него имущества. По мнению исследователей, самым незавидным в семье было положение снохи (килен) [Асфандияров 1997: 81].

В семейном быту положение башкирки оставалось неизменно зависимым. В то же время доминирование нуклеарной семьи, слабость проникновения ислама в быт, сохранение пережитков полукошачевого скотоводства и некоторые другие явления благоприятствовали относительной ее неза-

висимости в семье. Этим можно объяснить существовавшую в этом разноречивость взглядов современников.

Как и прежде, судьбу башкирки при совершении брака решали родители, прежде всего, отец или родственники мужчины. Это были выдача против ее воли или ранние браки. Об этом свидетельствуют обращения девушек или родителей в Оренбургское магметанское духовное собрание и иные ведомства. В 1907 г. башкир Н. Курбангалин Мензелинского уезда подал прошение в духовное собрание о краже дочери 14 лет башкиром Я. Гайнуллиным для насильственного обвенчания [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1598. Л. 3–3об.].

Такой же случай произошел в 1908 г., когда насильственно была обвенчана дочь 12 лет башкирки Х. Камалетдиновой Оренбургского уезда имамом М. Шагиахмедовым, о чем она извещает духовное собрание в поданном прошении [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1737. Л. 6–6об.] и пр.

Оставалось приниженным положение башкирки в имущественном и правовом отношениях, и, прежде всего, это касалось вопросов наследования и раздела имущества независимо от ее социального, имущественного, семейного и возрастного положения. Наследственные права после смерти мужа определялись шариатом и российским законодательством. В последнем было зафиксировано, что все жены умершего, сколько бы их ни было, получали совокупно из всего имущества, каждая из них равную долю, если останутся дети — $\frac{1}{8}$ часть, если нет детей, то жены получают $\frac{1}{4}$ часть, а прочее отдается другим наследникам [Михайлова 1913: II].

Даже при наличии несовершеннолетних сыновей умершего домохозяина, вдова назначалась опекуншей собственных детей и всего хозяйства только с согласия общины. Так, после кончины в 1901 г. башкира Д. Ишмухаметова из Стерлитамакского уезда опеку над имуществом и дочерью 6 лет получила не вдова, а башкир А. Хайбуллин [Роднов 2002: 198]. Подобных случаев было немало. В Бирском уезде в 1903 г. после смерти башкира М. Исакова из д. Кармановой опеку над оставшимся имуществом и дочерью 8 лет получил башкир М. Смагилов, а не вдова [НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2106. Л. 2]. В деревне Нижне-Иванеевой

после кончины башкира М. Байбердина опеку над имуществом и дочь 4 лет получила не вдова, а родственник покойного Б. Байбердин [НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2107. Л. 2].

Ущемлялись имущественные права башкирки после развода, так как при разделе семейного имущества она полностью зависела от бывшего мужа [Шайдуллина 1963: 208].

О подобных несправедливых случаях обделенные жены не раз сообщали в различные инстанции. В прошении в Оренбургское магометанское духовное собрание, поданном в 1896 г. башкиркой Г. Сиразетдиновой из Оренбургского уезда, указывалось, что муж «дал ей талак», но с малолетней дочерью выгнал из дома, при этом не дал ей «разводного письма и принадлежавших ей вещей по калыму» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 20579. Л. 10–11].

Башкирка из Бирского уезда Ш. Нуриахметова в 1902 г. обратилась в духовное собрание с жалобой на мужа, который не только «изгнал из дома после 38 лет совместной жизни, но и не отдает вещи, принадлежащие ей» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 449. Л. 8] и др. Все это указывало на несправедливость башкирки, как и других мусульманок, в гражданской жизни, отсутствие законоположений по защите ее интересов. Непросто было добиться развода с возвратом имущества, минуя волю мужа. Лишь накануне Первой мировой войны это право было предоставлено жене в виде особого разъяснения Оренбургского магометанского духовного собрания, но при условии доказательства «развратной жизни» мужа [Кийков 1927: 61].

Башкирка не имела права на участие в общественной жизни — на сходах, собраниях, а также на посещение религиозных учреждений. Еще в конце прошлого века исследователями сообщалось, что у башкир женщины «никогда и ни при каких духовных церемониях не участвуют» [Юдин 1890: 6].

Обращалось также внимание на то, что башкирка не только не принимала никакого участия в общественной жизни, но и не допускалась в мечеть, на кладбище, и это было закреплено экономическими и правовыми ограничениями, законами о наследовании и земельных наделах, согласно которым женщина не только не пользовалась ими наравне с мужчиной, но чаще все-

го вообще не бралась в расчет в качестве правоспособного члена семьи [Стиня 1928: 23]. Все это подтверждало сохранявшееся ее бесправное положение в семье и общественной жизни.

В то же время нужно заметить, что стали наблюдаться перемены в самосознании и поведении башкирки. Она становилась иной, уже не такой безропотной, и рамки домашнего круга для нее становились тесными. Из «молчаливого существа» она превращалась в имеющего собственный голос человека. Поэтому внимание исследователей привлекал выразительный образ самостоятельной башкирки, готовой выступить наперекор общественному мнению. Об одной из таких женщин по имени Фахарница поведал С. Г. Рыбаков, она неоднократно убегала от мужа, кстати, полностью уплатившего ее отцу калым, по причине недовольства, что он «дурак, рохля, никакое дело у него не идет». Несмотря на уговоры, она так и не вернулась к нему [Рыбаков 1897: 33].

О другой башкирке по имени Фатима, ловкой и умелой хозяйке, защитнице своей семьи рассказал П. И. Добротворский. После смерти ее мужа над хозяйством и малолетним сыном было назначено опекуновство. Но она воспротивилась этому, заявив, что «такой закон нет. ... Моя дети — моя и именье!» [Добротворский 1989: 45].

Башкирки были среди осмелившихся выйти за домашние пределы и участие по собственной их инициативе в организации самостоятельных обществ весьма показательны. В числе учредителей в 1907 г. в Уфе мусульманского дамского общества была башкирка из деревни Кляшево Г. С.-А. Камалетдинова [Устав 1913: 37].

В этот период возросло количество обращений башкирок в различные инстанции с жалобами на «деспотическое» отношение мужей. Башкирка М. Габдулкадырова из Бугульминского уезда в 1901 г. направила прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание с требованием наказания мужа, который притеснял ее, наносил побои и изгнал из дома по причине «болезни рук, ног и слепоты» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 218. Л. 1].

В 1908 г. башкирка Ш. Сарыбаева из Оренбургского уезда подала в духовное собрание прошение о расторжении брака

по причине истязания и оскорбления мужем [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 5161. Л. 5]. В своих требованиях по расторжению брака женщины указывали и такие причины, как «недоставление средств к существованию», «неспособность к брачному сожитию» [НА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 20887. Л. 10; НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 5863. Л. 1–1об.].

Менялось и отношение башкир к женщине, положению в семье, участию в общественных мероприятиях. Потому весьма показательно письмо башкир Оренбургского уезда, направленное в начале XX в. депутату Государственной Думы от Оренбургской губернии Т. И. Седельникову. Они просили ввиду бесправного положения башкирок «настоять на уравнивании в правах с их мужьями» и указывали на необходимость «прекратить на законном основании» многоженство, которым особенно «злоупотребляют богатые люди и этим угнетают женщин» [Женское движение 2008: 14–15].

Однако изменения этих традиционных установок на положение башкирки происходили непросто, все еще сохранялось «барское» отношение к ней мужчин, даже с «передовыми взглядами», в частности, среди башкирских депутатов в российском парламенте. При обсуждении многих законопроектов, в их числе о гражданском равенстве, неоднозначной была позиция парламентариев к женскому вопросу. Депутат от Уфимской губернии Ш. Ш. Сыртланов не был столь категоричен при обсуждении вопросов о многоженстве, закрытости мусульманок в домашнем кругу и заявлял не забывать о положениях шариата, «...когда будет идти разговор в комиссии о равноправии» [Женское движение 2008: 16].

Заметим, что впоследствии, на первом съезде российских мусульман в мае 1917 г. было особо сказано о необходимости уничтожения многоженства «ввиду того, что оно противоречит принципу человечности и справедливости» [Революция 1930: 298].

Под влиянием происходивших масштабных и сложных событий в конце XIX – начале XX в. в хозяйственном укладе башкир наблюдались серьезные перемены, что являлось непростым испытанием для их устоявшегося семейно-бытового уклада и привычного образа жизни. Это в основном было связано с ухудшением условий проживания и ведения хозяйства,

вело к обнищанию башкир и вынуждало уходить на заработки в города и крупные населенные пункты для поддержания семей. Но в более сложном положении оказывались семья и хозяйство, когда мужа призывали на военную службу, и более губительными для них являлись последствия в случае его потери на войне. Однако это вносило перемены в положение членов семьи, особенно жены, на которую возлагалась вся ответственность за семью и ведение хозяйства. Правда, отсутствие у нее правомочий при рассмотрении земельных и имущественных вопросов судебными органами и самими общинами зачастую приводило к принятию несправедливых решений. Происходившие в семейно-бытовой и хозяйственной сферах у башкир изменения вносили довольно серьезные коррективы в положение других членов семьи — родителей, пожилых родственников, детей и пр. Теперь выполнение сельскохозяйственных работ возлагалось на взрослых, в случае, если позволяло здоровье, и на подростков. Нужно заметить, что это не привело к изменению устоявшегося порядка взаимоотношений в семье между мужем и женой, родителями и детьми, старшими и младшими, как отмечалось исследователями [Бикбулатов 1981: 88].

Выводы

Во второй половине XIX – начале XX в., как свидетельствуют различные источники и дореволюционная литература, семейный быт у башкир, функции и обязанности членов семьи оставались неизменными, что было определено традиционными порядками и религиозными установками. Однако в начале XX в. под влиянием происходивших поворотных событий в общественной жизни России, войн, изменений в экономической жизни, в других сферах и пр., которые коснулись и башкир, устоев семейно-бытового уклада и привычного образа жизни, положение семьи, ее членов становилось сложным и нестабильным. В семейном быту начинают проявляться новые явления. Серьезные перемены претерпевало внутрисемейное устройство, прежде всего, это касалось положения башкирки в семье. Оно становилось иным, как и само традиционное башкирское общество, и уже предпринимались попытки к освобождению семейного

устройства от устоявшихся предрассудков и воззрений, на что обращалось внимание исследователями и о чем свидетельствуют источники. Но пока это не вносило карди-

нальных изменений в семейный быт, во внутрисемейные отношения — они продолжали строиться на прежней традиционной основе.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Литература

- Асфандияров 1997 — *Асфандияров А. З.* Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.
- Берггольц 1893 — *Берггольц Л.* Горные башкиры-китайцы // *Этнографическое обозрение*. 1983. № 3–4. С. 74–84.
- Бикбулатов 1981 — *Бикбулатов Н. В.* Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 125 с.
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Добротворский 1989 — *Добротворский П. И.* В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1989. 256 с.
- Женское движение 2008 — *Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: сборник документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова.* Уфа: Гилем, 2008. 272 с.
- Зеленин 1908 — *Зеленин Д.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // *Этнографическое обозрение*. 1908. № 3. С. 78–87.
- Зефирова 1961 — *Зефирова В.* Взгляд на семейный быт башкирца // *Башкирия в русской литературе*. Т. 1. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1961. С. 273–280.
- Казанцев 1866 — *Казанцев Н.* Описание башкирцев. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. 97 с.
- Кийков 1927 — *Кийков А.* К истории семьи и брака у башкир, татар, мордвы и чуваш // *Башкирский краеведческий сборник*. Уфа: Издание О-ва по изучению Башкирии, 1927. № 2. С. 54–61.
- Крашенинников 1907 — *Крашенинников Н. А.* Угасающая Башкирия. М.: Новое слово, 1907. 134 с.
- Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962 — *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // *Археология и этнография Башки-*

Sources

National Archives of the Republic of Bashkortostan.

- рин. Т. I. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1962. С. 171–267.
- Лоссиевский 1903 — *Лоссиевский М. В.* Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа: Издание губ. стат. комитета, 1903. 16 с.
- Михайлова 1913 — *Михайлова В.* Русские законы о женщине. М.: Тип. акц. О-ва «Московское издательство», 1913. 118 с.
- Назаров 1890 — *Назаров П.* К этнографии башкир // *Этнографическое обозрение*. 1890. № 1. С. 164–192.
- Небольсин 1850 — *Небольсин П.* Заметки о башкуртах // *Отечественные записки*. 1850. Т. 73. № 11–12. С. 1–9.
- Никольский 1899 — *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Диссертация на степень доктора медицины Д. П. Никольского. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 377 с.
- Революция 1930 — *Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / под ред. С. М. Димаштейна.* Т. 3. Февраль – октябрь 1917 г. М.: Изд-во Ком. Академии, 1930. 467 с.
- Роднов 2002 — *Роднов М. И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ООО «Дизайн-полиграфсервис», 2002. 314 с.
- Руденко 1925 — *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир. Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1925. 330 с.
- Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1897. 330 с.
- Стина 1928 — *Стина И. А.* Башкирка. М.: Издание Охматмлада (охраны материнства и младенчества), 1928. 40 с.
- Устав 1913 — *Устав Уфимского мусульманского дамского общества.* Уфа: Электр. Тип. «Восточная печать», 1913. 37 с.

- Флоринский 1874 — *Флоринский В.* Башкирия и башкиры: путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т. 6. С. 723–765.
- Черемшанский 1859 — *Черемшанский Б. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренб. губ. правления, 1859. 472 с.
- Шайдуллина 1963 — *Шайдуллина Л. И.* Брак и развод по мусульманскому праву // Арабские страны. История. М.: Вост. лит., 1963. С. 203–211.
- Юдин 1890 — *Юдин П. Л.* Башкиры (бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 36. С. 5–6.
- Юлуев 1892 — *Юлуев Б. М.* К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3. С. 216–223.

References

- Asfandiyarov A. Z. Bashkir Family in the Past: 18th – Mid-19th Centuries. Ufa: Kitap, 1997. 104 p. (In Russ.)
- Bergholtz L. The Qatay: Bashkir highlanders. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1983. No. 3–4. Pp. 74–84. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V. Bashkir Kinship System. Moscow: Nauka, 1981. 125 p. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. Family Life of the Bashkirs, 19th – 20th Centuries. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (In Russ.)
- Cheremshansky B. M. Orenburg Governorate: A Description of Economic, Statistic and Industrial Aspects. Ufa: Executive Office of Orenburg Governorate, 1859. 472 p. (In Russ.)
- Dimashteyn S. M. (ed.) Revolution and the National Question: Historical Documents and Materials on the National Question in 20th-Century Russia and Soviets. Vol. 3. February – October of 1917. Moscow: Communist Academy, 1930. 467 p. (In Russ.)
- Dobrotvorsky P. I. In the Wilderness of Bashkiriya: Stories, Memoirs. Ufa: Bashkir Book Publ., 1989. 256 p. (In Russ.)
- Florinsky V. Bashkiriya and the Bashkirs: travel notes. *Vestnik Evropy*. 1874. Vol. 6. Pp. 723–765. (In Russ.)
- Kazantsev N. A Description of the Bashkirs. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za, 1866. 97 p. (In Russ.)
- Kiikov A. Bashkir, Tatar, Mordvin and Chuvash peoples: history of family and marriage revisited. In: Collected Materials on Bashkiriya's Local Lore and History. Vol. 2. Ufa: Society for the Research of Bashkiriya, 1927. Pp. 54–61. (In Russ.)
- Krashennnikov N. A. The Fading Bashkiriya. Moscow: Novoe Slovo, 1907. 134 p. (In Russ.)
- Kuzeev R. G., Bikbulatov N. V., Shitova S. N. Bashkirs of the Trans-Urals: An ethnographic sketch of household life and culture, late 19th – early 20th centuries. In: Archaeology and Ethnography of Bashkiriya. Vol. I. Ufa: Bashkir Book Publ., 1962. Pp. 171–267. (In Russ.)
- Lossievsky M. V. A Few Things about Bashkiriya and Bashkirs: Past and Present. Ufa: Statistical Committee of Ufa Governorate, 1903. 16 p. (In Russ.)
- Mikhaylova V. Russian Laws about Woman. Moscow: Moskovskoe Izdatelstvo, 1913. 118 p. (In Russ.)
- Muslim Women's Society of Ufa: Charter. Ufa: Vostochnaya Pechat, 1913. 37 p. (In Russ.)
- Nazarov P. Bashkir ethnography revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1890. No. 1. Pp. 164–192. (In Russ.)
- Nebolsin P. The Bashkurt: collected notes. *Otechestvennyye zapiski*. 1850. Vol. 73. No. 11–12. Pp. 1–9. (In Russ.)
- Nikolsky D. P. The Bashkirs: An Ethnographic, Sanitary and Anthropological Study. Doctor of Medicine Thesis. St. Petersburg: P. Soykin, 1899. 377 p. (In Russ.)
- Rodnov M. I. The Peasantry of Ufa Governorate in the Early 20th Century (1900–1917): Social Structure, Social Relations. Ufa: Dizaynpoligrafservis, 2002. 314 p. (In Russ.)
- Rudenko S. I. The Bashkirs: An Ethnological Monograph. Part II: Household Life. Leningard: Fedorov State Publ. House, 1925. 330 p. (In Russ.)
- Rybakov S. G. Muslims of the Urals: Music, Songs, and a Sketch of Their Household Life. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1897. 330 p. (In Russ.)
- Shaydullina L. I. Muslim law: marriage and divorce. In: The Arab States. History. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. Pp. 203–211. (In Russ.)
- Stina I. A. The Bashkir Woman. Moscow: Maternity and Child Welfare Institute, 1928. 40 p. (In Russ.)
- Suleymanova R. N. (ed.) The Women's Movement in Bashkortostan: 1900–1941. Collected

- Documents and Materials. Ufa: Gilem, 2008. 272 p. (In Russ.)
- Yudin P. L. The Bashkirs: a sketch of household life. *Orenburgskie gubernskie vedomosti*. 1890. No. 36. Pp. 5–6. (In Russ.)
- Yuluev B. M. Bashkir ethnography revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1892. No. 2–3. Pp. 216–223. (In Russ.)
- Zefirov V. The Bashkirs: glimpses of family life. In: *Bashkiria in Russian Literature*. Vol. 1. Ufa: Bashkir Book Publ., 1961. Pp. 273–280. (In Russ.)
- Zelenin D. Bashkirs of Yekaterinburg Uyezd: levirate marriage and some others customs revisited. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1908. No. 3. Pp. 78–87. (In Russ.)

